

Урививка от нормальности

в Людоедбурге

Ксения Пронина

Ксения Пронина

**Прививка от нормальности
в Людоедбурге**

«Автор»

2026

Пронина К.

Прививка от нормальности в Людоедбурге / К. Пронина —
«Автор», 2026

Что скрывают гастропсихиатры Людоедбурга и куда ведут подозрительные лестницы в засекреченных клиниках? Кажется, Ане снова придётся со всем этим разбираться. А она так надеялась на свои лучшие в жизни каникулы. «Прививка от нормальности в Людоедбурге» — третья книга о приключениях Ани: остроумная, мрачновато-смешная и полная абсурда история о страхах, слухах, доверии, взрослении и том, как трудно быть «нормальным» в городе людоедов.

© Пронина К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ксения Пронина

Прививка от нормальности в Людоедбурге

Глава 1

Вы наверняка слышали, что каждый ребёнок в Людоедбурге должен научиться кусаться до того, как пойдёт и заговорит. Как? Не слышали? Тогда вот что я скажу. У нас все младенцы без исключения проходят типовой осмотр у гастропсихиатра. И если найдутся отклонения, пациенту назначают длительную терапию, хотя и так понятно, что это сильно скажется на учёбе, профессии, и, скорее всего, такой человек никогда не сможет быть настоящим людоедом!

Но об этом потом. Вот что меня волнует. Сегодня мы с одноклассниками проходим стандартный медосмотр в нашей поликлинике для зачисления в мой первый в жизни детский летний людоедский лагерь. Да-да, каникулы наконец-то настали, а шестой класс позади, чему я очень рада! И не рада одновременно, потому что в своей личной медкарточке прочитала ранние записи — те, которые делают ещё до прививок. Там нацарапано: «Деф... дефи... не пойму букву. А! ...дефицит людоедского импульса, слабый прикус, пищевая толерантность к сверстникам».

У меня застучало в висках. Что это значит? И что, если это всплывёт при получении допуска в лагерь? Всплывёт как протухшие мозги жарким летом. Мне и так с трудом далось зачисление в ученики людоеда, я не могу всё в одночасье потерять из-за этой врачебной записи. Вы скажете, что можно просто вырвать страницу из карты? Но нет, я уже проходила это с исправлением оценок в дневнике. Проблему надо решать на зубном корню. Есть классный журнал в учительской — где всё про тебя. И в поликлинике должно быть так же. А что такое учительская для врачей? Это ординаторская! Самое загадочное место, куда посторонним вход запрещён. Но Аня — не посторонний. Если что, Аня — это я.

Только что я видела, как из кабинета хрящевой хирургии выходил врач в перемотанных изолентой очках.

— На обед, Аркадий Семёнович? — спросила его молоденькая медсестра, которую он чуть не сбил с ног.

— Да, постараюсь вернуться к часу. Ко мне отправили племянницу, успею купить сахарных косточек, — сказал он и убежал, похрустывая всеми суставами.

Я огляделась. Моя очередь в кабинет гастропсихиатра была не скоро. К тому же передо мной сидела истеричная Машка, которая точно застрянет там на полчаса со своей тоματοфобией — боязнью томатного сока. Это мой шанс. Я спрятала карточку в рюкзак, надела кепку и, сказав Машке, что мне надо в туалет, быстро ушла.

Дверь ординаторской была третьей слева. Я громко постучала.

— Аркадий Семёнович не у вас? — спросила я, когда медсестра открыла мне дверь.

— А-а, ты, должно быть, его племянница, — ответила она. — Он ещё не вернулся с обеда.

— Я бы хотела подождать тут. В коридоре душно, а у меня кашель от высокой влажности. Эхэ-эхе.

Мои актёрские данные хромали на обе культы, но я выкручивалась и не из таких историй. Медсестра тоже не знала, как вести себя в подобных ситуациях. И когда она неуверенно позволила мне войти, я со свистом выдохнула весь углекислый газ из лёгких.

Но ожидания, увы, не оправдались. В ординаторской не было никакого намёка на тайное хранилище важных документов. В креслах сидело несколько врачей — на меня едва ли обратили внимание. Пахло лекарствами и чьим-то обедом.

Я уже хотела выйти, как взгляд привлекла яркая обложка журнала с заголовком «Родители против прививок. Страшная правда о...» Но не успела я дочитать предложение, как один из докторов схватил журнал и сунул его в ящик стола. Я вздрогнула и ещё сильнее натянула кепку на лоб.

— Простите, — буркнула я, оттолкнув медсестру, и выбежала в коридор.

— Эй, племянница! — окликнула меня та, но я уже скрылась в толпе одноклассников.

На двери кабинета гастропсихиатра висела табличка: «Пищевая заповедь: человеку нужен человек». Что ж, если я не могу изменить своё прошлое, попробую повлиять на будущее впечатление о себе. Я написала ручкой на ладошке все личные ученические заслуги. О них обязательно нужно сказать врачу, а ещё лучше — приукрасить людоедские способности. Про отношения с одноклассниками надо отметить, что те вызывают аппетит. И что ещё могут спросить? О снах? Скажу: мне часто снится еда.

Машка пробыла в кабинете гастропсихиатра ожидаемо долго.

— Ну что? — спросила я её, когда она вышла из пыточной.

— Отстой. Пришлось собрать пирамидку и посчитать от десяти до нуля.

И это всё? От лучшего в мире людоедского лагеря меня отделяет дурацкая детская игра?

Резким движением я отворила дверь и вошла в кабинет врача. За главным столом сидел тот самый В. А. Нецевич. Одним словом — белый халатик. Хотя это два слова. Но от него зависела моя судьба. А если смотреть шире, то и судьба всего лагеря, которому без меня ну никак нельзя.

На столе среди кучи разных папок и рецептов торчал корешок знакомого журнала о прививках. Я замешкалась, но, как только набрала побольше воздуха в грудь, чтобы выложить отрепетированную в коридоре речь, меня прервал холодный голос:

— Аня Т., первая коррекционная группа в 10:00, кабинет 19. Следующий! — сказал он, уткнувшись в бумажки, и, не поднимая глаз, протянул листок с заключением.

Это было немного быстрее, чем я ожидала. Будто меня выпотрошили, а потом вставили внутренности обратно. Я вышла, и только теперь мне хватило духу прочитать: «В зачислении в людоедский лагерь отказать в связи с состоянием гастропсихического здоровья. Назначить реабилитацию у врача по коррекции пищевого поведения людоедов в виде десяти консультаций по питанию».

Вот так, без термообработки! Будто всё решили за меня задолго до того, как я вошла в кабинет.

Одноклассники спрашивали, что случилось, а я слышала только назойливый звон в ушах. Значит, истеричной Машке — пирамидка и лагерь, а мне — фига на сливочном масле и консультант по питанию?

Дома мама спросила, как дела. Но мне нечем было похвастаться. Награды за победу в олимпиаде по естествопитанию с презрением смотрели на меня с полки.

— Кажется, лагеря не будет, — вздохнула я и кинула рюкзак на пол.

— Как это? Его отменили?

— Отменили. Только не его, а меня. Что-то не так с заключением гастропсихиатра.

— Ой, не бери в голову. Я же говорила: у них там все места в лагерь куплены. В Людоедбурге будущее можно предсказывать по кошельку. Скажи, сколько у тебя денег, и я скажу, какое лето тебя ждёт.

— Не очень весёлое, судя по всему, так как нужно пройти курс пищевого поведения. Со мной же всё в порядке, мам?

— Конечно, всё в порядке. Ты самый обычный гадкий подросток-людоед, — поспешила меня заверить мама.

— А в детстве у меня не было никаких странностей?

— Что ты выдумываешь? Болела как все дети: несварением желудка и воспалением укусов в яслях. Как говорится, чем раньше переболеешь, тем лучше.

Тут мама замолчала и почему-то посмотрела в сторону окна, будто там, за стеклом, на подоконнике сидело её детство и грызло ногти.

— Может, и ну его, этот лагерь. Ты же знаешь — игровую форму придумали, чтобы ребёнок страдал без претензий по страховке.

Я немного успокоилась. Но будильник поставила на сто двадцать градусов — так, на всякий случай, чтобы не проспать лечение. Если всё пройдёт успешно, может, меня наконец зачислят в мой первый детский людоедский лагерь.

Глава 2

Утром я встала раньше всех и сама приготовила завтрак «Дядюшка Бэнкс», чтобы не будить родителей. Оделась по погоде: я же не хочу обгореть и привлечь стаю жуликов. Как говорят в Людоедбурге: «Если в жару кто-то предлагает намазать вас маслом от загара — это ловушка!»

В почтовом ящике, наряду с объявлениями «Обиваем двери кожей заказчика», я нашла запечатанный конверт, подписанный: «Ане». Внутри была записка: «Никому нельзя верить». Опять одноклассники разыгрывают. Видимо, уже пронюхали, что меня не допустили в лагерь, и всюю перемывают кости. Но разбираться времени не было, и я смяла письмо в карман.

Поликлиника. Из кабинета 18 доносился дикий визг — дети получали свой допуск в ясли. Обычная бойня без правил. Рядом у двери сидели молодые родители с малышом. У мамы были заплаканные глаза.

— Ну почему он не может кусаться и драться, как все нормальные дети? — причитала она, пока карапуз закрывал свои уши ладонями.

— Печальное зрелище, — услышала я голос за спиной.

Это была девочка лет шестнадцати, в чёрном наряде и с чёрной помадой на губах.

— Ты тоже к мозгоправу? — Она оценивающе обвела меня взглядом. — Лада.

— Аня, — в ответ представилась я. — Тебя направили сюда после медосмотра?

— Нет. Экстренная диспансеризация.

— А что это?

— Мои родители разводятся, и каждый хочет урвать себе кусок пожирнее. Вот пока они делили друг друга на кухне под вопли и брызги крови, я заперлась в ванной и пыталась отгрызть себе руку. Смотри, — в доказательство она протянула перебинтованное запястье. — А тебя сюда за что отправили?

— Я ничего не сделала, я нормальная!

— Зачтено, — Лада одобрительно сложила большой и указательный пальцы. — Поди, Нецевич тебя сюда записал?

— Да. А как ты догадалась?

— Так уж про него говорят. Всех заваливает. Я же здесь не первый раз. Вот доктор Дачевич куда менее придирчив, но к нему сложно попасть. Хотя Нецевич — душка.

— Белый халатик? — с недоверием переспросила я.

— Ага. «У вас есть воображаемые съедобные друзья?» — спародировала она доктора. Получилось очень похоже, и я нашла это забавным.

— Не переживай, — продолжила Лада, — прослушаем пару лекций про пищевое поведение, и ты получишь свой билет в Неваленд или куда ты там хочешь попасть.

— В детский летний людоедский лагерь.

Лада перестала улыбаться так резко, будто я назвала не лагерь, а фамилию её личного палача.

— Дичь какая, — сказала она после паузы. — Ну да ладно, главное — не спорить с врачом и со всем соглашаться. Даже если покажется, что твой мозг черпают чайной ложкой.

Дверь кабинета номер 19 открылась.

— Первая группа может входить, — позвал женский голос.

Врач сидела за письменным столом. Она указала нам на два стула напротив.

— Аня Т. и Лада В., ваши занятия отменены.

— Что так? — спросила Лада. — Нам назначено. Что за прикол?

— Доктора Нецевича сняли с должности, и все его прежние назначения отменяются в связи с несоответствием стандартам, — пояснила врач.

Мы с Ладой переглянулись, а врач продолжала:

— Вместо этого будет медикаментозная терапия и повторная вакцинация.

Лада дёрнулась всем телом, как котлета, вспомнившая сковородку.

— Чего? — не поняла я.

— Прививку будут ставить, — пояснила Лада голосом, который стал тоньше больничного бинта.

— Правильно, — подтвердила врач.

— Зачем?

— Прививку ставят от опасного вируса, который вызывает дефицит людоедского импульса, язвы и выпадение зубов.

Я машинально провела языком по зубам, а врач продолжала:

— Каждый ребёнок прививается, чтобы организм начал сопротивляться болезни. Просто иногда нужно сделать повтор. Ваши родители уже подписали согласие. Прочитать информацию можно в буклетах.

Врач показала на стопку листовок на столе. Я взяла одну. На ней крупными буквами было написано: «Пожизненная гарантия» — и дальше мелким шрифтом: «Эффективно на 70%, не является лекарственным средством».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.